

Евгений Замятин. Север

Повесть

Источник: Е. И. Замятин; Избранные произведения в двух томах; Том 1.

Изд-во: "Художественная литература", Москва, 1990.

OCR: Александр Белоусенко; правка: Давид Титиевский, май 2005.

[Библиотека Александра Белоусенко](#)

Происходит так: солнце летит все медленнее, медленнее, повисло неподвижно. И все стоит закованное, залитое навек в зеленоватое стекло. Недалеко от берега на черном камне чайка распластала крылья, присела для взлета - и всегда будет сидеть на черном камне. Над трубой салогрейного завода закаленел, повис клубок дыма. Белоголовый мальчик-зуёк перегнулся через борт сполоснуть руки в воде - остался, застыл.

Минуту все стоит стеклянное - эта минута - ночь. И вот, чуть приметно шевельнулось солнце. Напружилось - еще чуть - стронуло, и все - вдребезги: брызнули в море разноцветные верешки; чайка оторвалась от камня, и откуда-то их сразу сотни розовых, пронзительных; оранжевый дым летит, белоголовый зуёк испуганно вынырнул из дяденьких сапог - и скорей за работу.

День в полном ходу. И тут сверху, из собственной конторы спускается в лавку хозяин, Кортوما, веселый, дымит коротенькой трубочкой, скулы медно сияют.

Женки из становища пришли к Кортومه за мукой, за солью. Сам, собственноручно, всякой записывает долг в зелененькую книжку: все тут - у Кртомы в зелененькой книжке. И милостиво королюет Кортوما, милостиво шутит с женками.

- Эй ты, холмогорка, чего у тебя за пазухой-то напхато? Вот ведь только чуть отвернись... Ничего, говоришь? А ну, дай-кось...

У холмогорки грудь - горячая, ёрзкая. И вот никак Кортوما не вспомнит: была ли, нет ли у него наверху, в собственной конторе? На всякий случай ставит Кортوما в книжечке метку: букву Н.

В углу холмогорка - вся кумач - застегивает кумачовую кофту Бабка Матрена-Плясея, широкая, теплая - русская печь-мать, помогает холмогорке, уговаривает ее, как дите:

- Молчи-молчи, ш-ш... Ведь все на местах осталось, ну? Чего южишь мухой?

Бабке Матрене товар выдается без записи: с бабкой Матреной у Кртомы свои, особые счеты...

На столе в конторе - самовар: скуластый, руки в боки - кирпичом натерт - сияет. В сияющем самоварном брюхе - по-своему, самоварному, приплюснуто, перевернуто - отражен весь мир. И на своем самоварном языке - самовар, несомненно, мыслит:

"Мир - мой. Мир - во мне. И что бы без меня стал делать мир?"

Самовар милостиво ухмыляется миру...

Перед самоваром - Кортوما. Кортوما в самоваре - как в зеркале: приплюснутый, широкоскулый, медно-добродушный. Самовар в Кортومه - как в зеркале: рыластый, веселый, бьет день и ночь белым ключом, попыхивает белым дымком.

Самовар благодетельствует Кортому чаем. Кортوما проводит долги по бухгалтерским книгам. Счета у Кртомы - в строгом порядке, не как-нибудь, а по тройной бухгалтерии.

- Пора жить согласно западноевропейским народам, - такая есть у Кртомы поговорка.

В синем вязаном тельнике Кортومه жарко, пот градом. Вытаскивает из штанов батистовый носовой платочек, завернутый в газетную бумагу (в кармане грязно), вытирает медные скулы, опорожняет двумя пальцами нос, потом - батистовым платочком, и вновь аккуратно завернут батистовый платочек в газетную бумагу.

Против одной фамилии в дебете Кортوما ставит букву Н, подумавши, скашивает со счета один рубль - и милостиво ухмыляется миру.

Сзади почтительно дожидается приказчик, Иван Скитский - из скитов беглый. Голова не на плечах, как у всех, а в плечи закопана - выглядывает